

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94(47+57):331

doi: 10.17072/2219-3111-2017-3-157-163

СОВЕТСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И ГУЛАГ

РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: В.А. БЕРДИНСКИХ, В.И. МЕНЬКОВСКИЙ.
ГУЛАГ: ИДЕОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА ПОДНЕВОЛЬНОГО ТРУДА
В XX ВЕКЕ / ИЯЛИ КОМИ НЦ УРО РАН. СЫКТЫВКАР, 2017. 132 С.

М. Г. Меерович

Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664025, Иркутск, ул. Лермонтова, 83
Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, 111024, Москва,
ул. Душинская, 9
memark@inbox.ru

Представлены размышления автора по поводу монографии «ГУЛАГ: Идеология и экономика подневольного труда в XX веке», написанной В. А. Бердинских – доктором исторических наук профессором Вятского государственного университета (Киров, Российская Федерация) и В. И. Меньковским – доктором исторических наук профессором Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь). Система ГУЛАГ рассматривается как ключевой элемент устройства хозяйственно-экономической системы сталинизма, в которой репрессии и подневольный труд являлись неотъемлемой частью, как инструмент ускоренного создания советского военно-промышленного комплекса (ВПК). Очерчивается место ГУЛАГа в системе советского «народного хозяйства», характеризуются его отношения с ведомствами, входящими в систему ВСНХ, оцениваются причины востребованности ручного подневольного труда, раскрывается ключевая роль этой системы в добыче стратегических ресурсов, освоении территорий, в том числе в осуществлении научных, опытно-конструкторских, инженерных разработок для ВПК. Кроме ГУЛАГа краткая характеристика дается еще двум государственным «мегаорганизациям», обеспечивавшим в СССР промышленное, транспортное, энергетическое и урбанистическое освоения территорий, – НКВД и ВСНХ. Генезис идеи принудительного труда в масштабе страны прослеживается с периода военного коммунизма, когда на всей территории страны были сформированы трудовые армии.

Ключевые слова: ГУЛАГ, советский военно-промышленный комплекс, догоняющая ускоренная индустриализация, трудовые армии.

В середине 1920-х гг. партийное руководство СССР выдвинуло цель – создание самого современного в мире, самого мощного военно-промышленного комплекса (ВПК). Именно ускоренное формирование ВПК получило наименование «индустриализация» [Меерович, 2014, с. 70–71]. Ее приоритетными задачами стали 1) развитие современной военной индустрии, а также неразрывно связанное с этим 2) расширение добычи природных ресурсов для советской тяжелой промышленности и их экспорта за границу, чтобы было чем рассчитывать с зарубежными партнерами за приобретение передовых производственных технологий, а также для того, чтобы сделать Европу зависимой от советского сырья, 3) формирование единой общегосударственной энергетической инфраструктуры для обеспечения расширяющегося промышленного производства электроэнергией; 4) развитие единой транспортной структуры для обеспечения связности в цепочках производственных процессов и переброски грузов, а также живой силы к намечаемым театрам военных действий.

Требование создания быстрого рывка в индустриальную эпоху на фоне хронического технологического отставания страны от западных государств, давно и успешно этот рывок освоивших, вынуждало советское руководство избрать путь, давший Стране Советов разовый эффект, зато на долгие годы погрузивший ее в трясины «догоняющей экономики». Вместо того чтобы тратить время и силы на самостоятельное изобретение конструкций и материалов для военной техники и соот-

ветствующих конвейерных технологий их производства, советское руководство пошло более быстрым и эффективным путем – покупки за рубежом передовых знаний, опыта, производственного оборудования, проектов, консультаций, технических решений, готовых агрегатов и образцов изделий (танков, танкеток, самолетов, артиллерийских тягачей, тракторов и проч.).

Руководство страны громогласно вещало о повышении благосостояния советского народа, а на практике в планы первой пятилетки закладывало повышение «душевых норм потребления» всего шести продуктов и товаров: 1) сахара, 2) мыла, 3) обуви, 4) хлопчатобумажных тканей, 5) шерстяных тканей, 6) галош (Пятилетний план, 1929, с. 104–105). Потребление сахара планировалось поднять с 7,7 кг в 1927/1928 г. до 11,9 кг по отправному и 13,9 по оптимальному варианту в 1932/1933 г., мыла – с 0,94 кг до 2,36/2,60 кг, обуви – с 0,4 до 0,65/0,74 пары, хлопчатобумажных тканей – с 15,2 м до 20,3/21,3 м, шерстяных тканей – с 0,48 до 0,84/1,17 м, галош – с 0,22 до 0,31/0,39 пары (Пятилетний план, 1929, с. 104–105).

Судя по программе индустриализации, технический прогресс представлялся в виде непрерывно сходящих с конвейера верениц танков, самолетов, пушек, пулеметов и т.п. Индустриализация имела целью воплощение планов руководства СССР по выпуску силами ассимилированного военно-гражданского производства военных изделий широчайшего спектра. Промышленность изготавливала бронированные трактора на основе закупленных за рубежом технологий «Интернационал», «Катерпиллер», производила танкетки на Ленинградском и Горьковском автомобильных заводах, используя для этого автомобильные базы, двигатель, узлы и агрегаты грузового автомобиля «Форд-АА», на Харьковском паровозостроительном заводе выпускало закупленный танк «Кристи» (советская маркировка – «БТ»), на заводе им. Ворошилова в Ленинграде – танки «Виккерс» («Т-26»), на Харьковском тракторном – средние танки, на заводах «Экскаватор» (на Урале), «Большевик», № 147 им. К. Е. Ворошилова – тяжелые танки, на Ярославском и Московском автомобильных заводах (АМО) – танки прикрытия, на заводе «Большевик» и Сталинградском тракторном – малые танки, на Челябинском тракторном, Харьковском паровозостроительном, Ижорском заводах – корпуса танков, на предприятиях Авиапрома – двигатели, на Выксунском заводе дробильно-размольного оборудования – бронетранспортеры («БА-20») и т.п. При этом закупленные за рубежом детали заменялись в ходе адаптации на узлы и агрегаты собственного изготовления, приспособлялись к отечественным условиям, видоизменялась их конструкция в соответствии с советским уровнем качества, условиями труда и будущим использованием, разрабатывались на основе зарубежных собственные модели.

Огромные средства, необходимые для этого, получали не только от продажи зерна за границу (даже в неурожайные годы, несмотря на массовую гибель советских людей от голода), но и от экономии средств и материалов в системе ГУЛАГ благодаря подневольному труду.

Один из главных вопросов современной историографии системы ГУЛАГ заключается не в том, чтобы определить количество лиц, подвергшихся репрессиям и обреченных на уничтожение в результате нещадной эксплуатации в системе гулаговского принудительного труда, а в реконструкции подлинной, детализированной картины устройства военно-производственной, хозяйственно-экономической системы сталинизма, в которой репрессии и рабский труд являлись неотъемлемой частью этого устройства.

В советской системе существовало лишь три государственных «субъекта», которые являлись ответственными за освоение территорий, за строительство промышленных, транспортных, энергетических объектов, за поддержание функционирования индустриальных моногородов. Их деятельность планировалась и организовывалась на государственном уровне, в рамках общегосударственной промышленной политики, финансировалась государством, регулировалась через распределение лимитов стройматериалов и трудовых ресурсов. В распоряжение этих трех «государственных хозяйствующих субъектов» советское государство фактически передало отдельные сферы производственной (хозяйственно-экономической) деятельности, связанные с реализацией планов индустриализации, а также крупные части территории страны (вместе с местным или перемещаемым сюда населением), на которых эти планы должны были воплощаться [Меерович, Коньшьева, Хмельницкий, 2011, с.69, 75, 79, 81–82]. Это 1) ВСНХ, 2) НКВД, 3) ГУЛАГ.

ВСНХ (Высший совет народного хозяйства – суперорган, объединявший все промышленные наркоматы). Он отвечал за создание военно-промышленного производства посредством персональной ответственности «красных директоров» и профильных наркомов. ВСНХ было законодательно

передано строительство жилья и объектов социального, культурного, медицинского и прочего обслуживания на промышленно осваиваемых территориях [Меерович, 2016, с. 405]. В любом строящемся советском моногороде основную часть жилищного фонда контролировало руководство ведомственного градообразующего предприятия. Например, в Магнитогорске в 1930-е гг. Магнитогорский металлургический комбинат владел 63,5% жилой площади, а другие заводы – еще 18%¹.

НКВД в лице Главного управления коммунального хозяйства ведал развитием существовавших городов (ремонт жилого фонда, городской транспорт, инженерная инфраструктура, городские электростанции, очистные сооружения, скотобойни, спортивные сооружения и проч., т.е. всем, что именовалось «коммунальным хозяйством»).

ГУЛАГ в сталинской системе «народного» хозяйства обеспечивал основные работы по обустройству территорий ресурсного освоения силами «мобильных трудовых армий принудительного труда»: добычу полезных ископаемых, необходимых ВПК и промышленному производству в целом, строительство коммуникаций, объектов энергетики и всех видов жилищного и культурно-бытового строительства на осваиваемых им территориях. Он приобретал эти функции постепенно: 11 июля 1929 г. СНК СССР принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», по которому содержание всех осужденных на три года и больше передавалось в ОГПУ. В 1930 г. Госплан издал инструкцию, где говорилось о необходимости более полного включения в плановую экономику труда лиц, лишенных свободы, а с апреля 1930 г. для планового использования труда заключенных начала формироваться сеть исправительно-трудовых лагерей ОГПУ и было создано специальное Управление исправительно-трудовых лагерей (УЛag) (СЗ СССР, 1930, с. 248). 1 октября 1930 г. УЛag ОГПУ был преобразован в Главное управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ, а 10 июля 1934 г. после создания Народного комиссариата внутренних дел СССР в его структуре появилось Главное управление лагерей (ГУЛag) в составе пяти главных управлений.

«Рабочий фонд» ГУЛАГа постоянно увеличивался, расширялись ареалы применения подневольного труда в решении общегосударственных производственных задач, что обеспечивало основу функционирования ключевых отраслей «народного» хозяйства. Если мы сравним карту промышленных строек первой пятилетки с расположением лагерей, колоний, лагпунктов ГУЛАГа, то увидим, что они практически совпадают. И это совпадение способно кардинально изменить наши представления о добровольном и радостном созидательном труде советского народа.

В монографии В.А. Бердинских, В.И. Меньковского «ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке» систематизируется информация о ГУЛАГе, который представляется как важнейший «субъект» советской хозяйственной системы, который с развертыванием программы индустриализации все в большей степени превращался в стеновой хребет развития советской экономики.

Формат «мини-монографии», как определили жанр своей работы авторы, подходит для исследования, которое покоится на монбланах предшествующих научных трудов – противоречащих друг другу, построенных на различных исследовательских методиках, исходящих из разноаспектных предметных парадигм. И этот формат соответствует духу времени, давно ожидающего внятного и сжатого обобщения накопленных знаний.

Мини-монография состоит из краткого введения «О рабском труде заключенных», заключения под названием «...Плюс гулагизация всей страны» и двух основных разделов. Первый раздел: «ГУЛАГ как объект исследования классической англоязычной историографии» – демонстрирует эволюцию методологических подходов в аналитической работе англоязычных исследователей, дававших крайне неоднозначные, иногда кардинально различные оценки и делавших подчас противоположные выводы. При этом авторы, к сожалению, не объясняют причин, по которым они не учитывают в своих работах российских историографов.

Второй (основной) раздел, озаглавленный «Лагеря и советская экономика 1930-х годов», разбит на пять тематических блоков: «Особенности эксплуатации заключенных и основные отрасли советской промышленности», «Проблемы стимулирования труда заключенных», «К вопросу о "целесообразности и эффективности" подневольного труда», «Подневольный труд как наркотик для советской промышленности», «Негативные последствия подневольного труда и кризис лагерной системы в СССР». В этом разделе кратко очерчивается место ГУЛАГа в системе советского «народного хозяйства», характеризуется его отношения с ведомствами, входящими в систему

ВСНХ, определяются причины низкой механизации ручного подневольного труда, раскрывается ключевая роль в добыче стратегических ресурсов и освоении территорий.

Некоторые положения монографии В.А. Бердинских, В.И. Меньковского, являющиеся обобщением материалов предшествовавших научных трудов, все же представляются спорными. Так, «лагерно-хозяйственная деятельность НКВД обретает планомерный, крупномасштабный и четко выраженный военно-промышленный характер» не с конца 1930-х гг., как пишут авторы [Бердинских, Меньковский, 2017, с. 36], а с момента создания Главного управления лагерей в 1929 г. Для реализации программы создания советского военно-промышленного комплекса и был образован сначала УЛag ОГПУ, реорганизованный в ГУИТЛag ОГПУ, а затем в ГУЛАГ. Он не сразу превращается в «огромный комбинат, который строил, добывал, производил, выращивал, конструировал и т.д.», но очень быстро стал именно таковым. Производственная деятельность ГУЛАГа имела военно-мобилизационное значение не только в конце 1930-х – начале 1940-х гг. [Там же, с. 38], но и изначально. Не всегда напрямую, часто косвенно, но всегда неизменно. Именно поэтому наряду с промышленным производством важнейшим элементом лагерной системы являлось капитальное строительство [Там же, с. 397]. В 1940 г. на долю НКВД приходились 11% всех капитальных вложений СССР.

Масштаб и объемы принудительного труда в структуре советской экономики, приводимые авторами, потрясают: «На 1 января 1949 г. в системе МВД насчитывалось 67 самостоятельных ИТЛ с почти 30.000 лаготделений и лагпунктов и 1.734 колонии. Общее количество заключенных достигло 2 356 685, из них трудоспособных – 1 963 679 (83,3%). Более половины (55,8%) составляли молодые люди в возрасте от 17 до 30 лет, почти четверть (22,1%) – женщины» [Там же, с. 39]. Кроме того, на учете в МВД находилось более 2.550.000 спецпоселенцев, а в системе ГУПВИ (Главного управления по делам военнопленных и интернированных) – около 1.000.000 чел. [Там же, с. 39].

При этом сотни лагерей и колоний не просто «органически вписывались в систему директивного советского "народного хозяйства", основанного на административно-командном планировании, внеэкономических методах принуждения к труду и уравнительном распределении общественного продукта» [Там же, с. 32], – они слагали основание системы советского тоталитаризма, начавшей формироваться еще в самом начале 1920-х гг., в период военного коммунизма, в форме трудармий – детища Л.Б. Троцкого. Советская власть с первых же дней своего существования поставила вопрос об использовании труда подчиненных контингентов населения. В тот период – солдат Красной Армии. Это решение в глазах власти являлось экономически целесообразным и, безусловно, моральным. Если уж «внеэкономическое принуждение к труду во всех его формах» предполагалось, по замыслу В.И. Ленина и Н.И. Бухарина, применять к свободным гражданам, то что же говорить о мобилизованных на армейскую службу в условиях отсутствия военных действий.

17–18 января 1920 г., через два с небольшим года после прихода к власти большевиков, Политбюро ЦК РКП (б) принимает решение о целесообразности создания нескольких трудовых армий «армейско-производственных» соединений (СУ РСФСР, 1920, № 3, 4–5). Формируются 1-я Революционная Армия Труда, Украинская советская (из войск Юго-Западного фронта) трудовая армия, Кавказская (бывшая 8-я армия Кавказского фронта), 2-я особая железнодорожная (бывшая 2-я армия Кавказского фронта), Петроградская Революционная (бывшая 7-я армия Западного фронта), 2-я Революционная Армия Труда (бывшая 4-я армия Туркестанского фронта). В декабре 1920 г. появляется Донецкая, а в января 1921 г. – Сибирская трудовые армии.

Это было сделано для того, чтобы приспособить армейские подразделения к решению трудовых задач, не разрушив командного аппарата армии, что позволило бы в любой момент снова перевести их в боевой режим [Троцкий, 2009]. «Необходимо выделить значительное число командиров, комиссаров и рядовых коммунистов для работы в деле целесообразного проведения трудовой повинности на местах. На военных работников, привыкших руководить массами в самых трудных условиях, возлагалась значительная часть работы по организации и трудовому применению мобилизованных девятнадцатилетних» [Там же]. В результате создания трудовых армий только в первой половине 1920 г. в восстановлении народного хозяйства СССР участвовало 2,5 млн. красноармейцев. Позднее такое же количество принудительной рабочей силы ежегодно требовалось ГУЛАГа, чтобы выполнять поставленные перед ним производственные задачи, пополнять трудовые ресурсы из-за смертности: «среднегодовое пополнение» лагерей и колоний колебалось в пределах 1,5–0,8 млн чел. [Бердинских, Меньковский, 2017, с. 43].

Использование в 1920-е гг. образованных из военнотрудовых армий труда для производства гражданских работ все же оказалось не слишком продуктивным. Но партийно-государственное руководство не забыло об опыте принудительной организации труда в трудовом лагере. При подготовке сталинской индустриализации идея принудительного формирования трудовых контингентов, объединенных полуремесленной дисциплиной и трудовомобилизационными обязательствами при условии их насильственного удержания в местах обитания, возникла вновь.

Нельзя не согласиться с авторами в том, что производственная сфера НКВД – МВД, основанная преимущественно на тяжелом физическом труде, действительно отторгала технический прогресс [Бердинских, Меньковский, 2017, с. 53]. «Кирка, тачка, лопата и другие примитивные орудия труда представлялись высшему советскому руководству максимально эффективными» [Там же, с. 35]. Однако технический прогресс в системе принудительного труда был власти не нужен. Советское руководство не стремилось с помощью примитивных средств труда «догнать и обогнать» передовые страны мира по уровню промышленного производства, оно довольствовалось этими средствами потому, что они давали гигантскую экономию в тех видах работ, которые из-за своей многотрудности требовали повышенных расходов на зарплату, спецоборудование, относительно комфортное размещение вольнонаемных.

Авторы справедливо отмечают, что широкое применение подневольного труда тормозило развитие производительных сил, отрицательно сказывалось на внедрении достижений технического прогресса и т.п. [Там же, с. 31]. Но ставило ли советское правительство в эти годы задачу внедрения в народном хозяйстве новых технологий, повышения производительности труда за счет механизации трудоемких процессов, в том числе в земледелии? Или по итогам намечавшейся войны центры аграрного производства в новых границах Советской империи могли бы разместиться в плодородных районах юга Франции и севера Италии, а высокотехнологичное индустриальное производство – в промышленно развитых центрах Германии. Богатые же полезными ископаемыми Урал, Сибирь, северные территории СССР в новой конфигурации советского «народного хозяйства», продолжали бы оставаться только источником сырья. Как справедливо отмечают авторы, «лагерная система ... на практике демонстрировала свои очевидные "преимущества": быстрое сосредоточение в нужном месте значительных контингентов рабочей силы, возможность эксплуатации заключенных в любых условиях, не считаясь с потерями» [Там же, с. 32].

В монографии не оставлен без внимания и феномен «инженерно-изобретательского и научного рабского труда» – «шарашек», подразделений системы ГУЛАГ, в которых эксплуатировался не физический, а интеллектуальный труд заключенных [Там же, с. 40–42]. Казалось бы, творчество – это всегда свободное проявление мышления, самовыражение при создании качественно новых культурных, материальных, духовных ценностей, воплощение идеи, не омраченной тяготами бытия, чему атмосфера тюрьмы или концентрационного лагеря не способствует: «любой без вины репрессированный человек, находясь в противоестественных условиях несвободы, униженный и унижаемый, переживший личную и семейную катастрофу, просто физически не может работать, а тем более творить, в полную меру своих возможностей» [Там же, с. 51]. Однако советской власти очень быстро удалось опровергнуть это суждение, доказав, что угроза смерти является значительно более мощным стимулом ударного, самоотверженного интеллектуального труда (научного, опытно-конструкторского, инженерного), чем материальные поощрения и комфортные бытовые условия.

Пополнялись «шарашки» «научной рабочей силой» так же целенаправленно и планомерно, как и стройки пятилетки, – по разрядке. В монографии приводится такой исторический пример: когда власти потребовалось быстрое развитие авиационной отрасли, «ведущие специалисты авиационной промышленности были арестованы ... и направлены в Особые конструкторские бюро НКВД, даже не будучи формально осужденными. И лишь в мае 1940 г. 307 авиаконструкторам и инженерам «задним числом» через Особое совещание при НКВД СССР было «оформлено» лишение свободы на сроки от пяти до десяти лет [Там же, с. 42].

Авторы пишут о том, что высокие производственные показатели в системе ГУЛАГ основывались не только на подневольном изнурительном труде, но и на лжи, приписках, очковтирательстве. «Туфта» – термин, обозначающий работу, сделанную лишь для видимости, заведомо ложные показатели в официальном отчете. По легенде, которую упоминают авторы монографии, слово произошло от аббревиатуры «ТФТ» (тяжелый физический труд) [Там же, с. 51]. Однако существует

и иное определение: «труд, учтенный фиктивно»².

В монографии В.А. Бердинских и В.И. Меньковского создается целостная картина гулаговской экономики – губительной для человека и природы. Нельзя не согласиться с ее заключительными словами, которые могут стать эпитафией советскому прошлому и эпиграфом к исследованию ситуации в современной России: «экологические и социально-демографические последствия этой деятельности на региональном уровне болезненно ощущаются уже сегодня и, видимо, приобретут еще большую остроту в будущем. От системы, где человеческая жизнь не представляет никакой ценности, по меньшей мере, наивно было ожидать щадящего, рачительного, бережного отношения к природе, органичной частью которой, собственно, и является человек» [Там же, с. 59].

Примечания

¹ Рассчитано Е.В. Коньшевой по данным, приведенным С. Коткиным (Коткин С. Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. - М., 2001).

² По свидетельству А.Е. Левинтова (Ленингов Александр Евгеньевич. Родился в 1944 г. кандидат географических наук. О нем см.: URL.: <http://www.park.futureussia.ru/extranet/blogs/levintov>; <http://eurasian-defence.ru/?q=node/10528> (дата обращения: 24.08.2014).

Список источников

Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. М., 1929. Т. 1. 163 с.

Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1930. № 22.

Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1920. № 3, ст. 15; № 4–5, ст. 26, 27.

Библиографический список

Бердинских В.А., Меньковский В.И. ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX в. / ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2017. 132 с.

Меерович М.Г. От городов-садов к соцгородам: основные архитектурно-градостроительные концепции в СССР (1917 – первая половина 1930-х гг.): Дис. ... докт. архитектуры. Нижний Новгород, 2016. 926 с.

Меерович М.Г. Расселенческая доктрина России: сегодня и сто лет назад: Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2014. 227 с.

Меерович М.Г., Коньшева Е.В., Хмельницкий Д.С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. 270 с.

Троцкий Л. Задачи 1-й Армии Труда. URL.: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl566.htm> (дата обращения: 24.08.2017).

Дата поступления рукописи в редакцию 08.05.2017

SOVIET INDUSTRIALIZATION AND THE GULAG

BERDINSKIKH, V.A. & V.I. MEN'KOVSKIY (2017), *THE GULAG: IDEOLOGY AND ECONOMY OF FORCED LABOUR IN THE 20TH CENTURY*, INSTITUTE OF LANGUAGE, LITERATURE AND HISTORY, KOMI SCIENCE CENTRE, URAL BRANCH, RAS, SYKTYVKAR, RUSSIA, 132 P.

M. G. Meerovich

Irkutsk State Technical University, Lermontov str., 83, 664025, Irkutsk, Russia

Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, Dushinskaya str., 9, 111024, Moscow, Russia

memark@inbox.ru

The paper presents the author's reflections on the book “The Gulag: Ideology and economy of forced labour in the 20th century” written by V. Berdinskikh and V. Men'kovskiy. The Gulag system is seen in the research as a key

element of the economic system of Stalinism, in which repressions and forced labour were an integral part. It is evaluated as a tool for the rapid formation of the Soviet military industrial complex. The authors outline the role of the Gulag in the Soviet system of national economy, describe its relationship with the agencies under the system the Supreme Economic Council, estimate the reasons for the demand for manual forced labor, and reveal the key role of the Gulag in producing strategic resources, developing territories and, in particular, in implementing research, development and engineering for the defense industry. In addition to the Gulag, a brief description is given to two other state “mega-organizations” that provided industrial, transport, energy and urban development of the territories. They were the NKVD and the Supreme Council of National Economy. The genesis of the idea of forced labour is traced back to the period of war communism, when labour armies were formed throughout the country.

Key words: the Gulag, the Soviet military industrial complex, rapid industrialization, labour army.

References

- Berdinskikh, V.A., Menkovskiy, V.I. (2017), *GULAG: ideologiya i ekonomika podnevolnogo truda v XX veke* [GULAG: The Ideology and economy of bonded labour in the twentieth century], UrO RAN, Syktyvkar, Russia, 132 p.
- Meerovich, M.G. (2016), *Ot gorodov-sadov k sotsgorodam: osnovnye arkhitekturno-gradostroitelnye kontseptsii v SSSR (1917- pervaya polovina 1930-kh gg.)* [From urban-gardens to Sotsgorod: main architectural and town planning concept in the USSR (1917 - first half of 1930s)], Dr.Sc. dissertation, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Construction, Nizhny Novgorod, Russia, 926 p.
- Meerovich, M.G. (2014), *Rasselencheskaya doktrina Rossii: segodnya i sto let nazad* [The settlement doctrine of Russia: today and a hundred years ago], Izd-vo IGU, Irkutsk, Russia, 227 p.
- Meerovich, M.G., Konyshcheva, Ye.V., Khmel'nitskiy, D.S. (2011), *Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932 gg.)* [The cemetery socialist town: urban policy in the Soviet Union (1928-1932 gg.)], ROSSPEN, Moscow, Russia, 270 p.
- Pyatiletniy plan narodno-khozyaystvennogo stroitelstva SSSR* [Five-year plan of national economic construction of the USSR] (1929), Moscow, Russia, vol. 1, 163 p.
- Trotsky, L. (1920), *Zadachi 1-y Armii Truda* [Tasks of the 1st Army of Labour], available at: URL <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl566.htm> (accessed 23.06.2017)
- Sobranie zakonov i rasporyazheniy raboche-krestyanskogo pravitelstva SSSR (SZ SSSR)* [The Collection of laws and decrees of the labor and peasant government of the USSR] (1930), Moscow, Russia, № 22.
- Sobranie uzakoneny i rasporyazheniy raboche-krestyanskogo pravitelstva RSFSR (SU RSFSR)* [The Collection of legalizations and orders of the workers and peasants' government of the RSFSR] (1920), Moscow, Russia, № 3. st. 15; № 4-5. st. 26, 27.